

ИНФОРМАЦИЯ

о состоянии конституционной законности по итогам анализа исполнения решений Конституционной палаты, принятых в 2017 г.

Формирование устойчивого конституционализма и установление прочного режима конституционной законности в Кыргызской Республике является эффективным средством утверждения принципов демократического и правового государства. С возобновлением деятельности органа конституционного контроля (2013 г.) появилась возможность последовательного укрепления конституционной законности в стране. Деятельность Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики (далее – Конституционная палата) направлена на защиту основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечению верховенства и прямого действия Конституции Кыргызской Республики. Практика Конституционной палаты, охраняя чистоту конституционно-правового поля, оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества и государства, формирует режим конституционной законности, способствует утверждению принципа взаимной ответственности в выполнении обязательств государства перед гражданами и граждан перед государством. Поэтому решения Конституционной палаты занимают ключевое место в механизме жизнеобеспечения правовой системы Кыргызской Республики.

Решения Конституционной палаты характеризуются особыми юридическими свойствами, к которым относятся общеобязательность, окончательность, непосредственность действия, непреодолимость, что в конечном итоге свидетельствует об их нормативности, распространении действия не только на заявителей, но и иных субъектов права.

С учетом этого любые решения Конституционной палаты должны восприниматься законотворческим и другими нормотворческими органами под углом зрения не одной лишь резолютивной части, в которой формулируются итоговые выводы о соответствии или несоответствии Конституции проверяемых правовых норм, но и сквозь призму высказанных ею в обоснование своих выводов правовых позиций. В этом смысле предназначение решений Конституционной палаты состоит в том, чтобы не допустить отступления от требований Конституции Кыргызской Республики ни в законодательной деятельности, ни в правоприменении.

В этой связи, Конституционной палатой составлена настоящая Информация по итогам анализа принятых ею итоговых актов в 2017 г. и исполнения решений Конституционной палаты, которая послужит, прежде всего, как ориентир для нормотворческих и правоприменительных органов по вопросам права.

I. Обзор решений Конституционной палаты, принятых в 2017 г.

В 2017 г. в Конституционную палату поступило 75 обращений. По поступившим обращениям и жалобам Конституционной палатой принято 12 постановлений и 10 решений, из них:

- решений о признании нормативных правовых актов непротиворечащими Конституции – 8, где в 1 решении содержится поручение по внесению соответствующего изменения в законодательство Кыргызской Республики, выявленного в ходе проверки конституционности оспариваемой нормы;

- решений о признании оспариваемых нормативных правовых актов частично противоречащими Конституции – 2, в которых содержатся поручения по внесению соответствующих изменений в законодательство Кыргызской Республики.

По состоянию на 31 декабря 2017 года из 3 поручений, вытекающих из решений Конституционной палаты, принятых в 2017 году, исполнены всего 2 решения, на стадии исполнения находится 1 решение Конституционной палаты:

1) Решением от 18 января 2017 года Конституционная палата дала оценку конституционности части 4 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, выраженного словами «отвод, заявленный судьей, рассматриваемому делу единолично, разрешается судьей единолично...» и признала оспариваемое положение не противоречащей части 1 статьи 40 Конституции.

Обосновывая конституционность указанной нормы, Конституционная палата отметила, что решение по заявленному отводу принимается судьей единолично и оформляется в форме постановления. В нем указывается, кем и по каким основаниям заявлен отвод, объяснения судьи по поводу отвода, решение об удовлетворении заявленного отвода или об отказе в этом и оглашается в судебном заседании. Законодатель также предусмотрел, что на вынесенное судьей постановление может быть подана частная жалоба согласно положениям статьи 339 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, которое рассматривается в апелляционном порядке одновременно с итоговым решением по делу. Право обжалования постановления принадлежит подсудимому и его законному представителю, прокурору, защитнику, потерпевшему и его представителю. Признав наличие оснований для отвода судьи, апелляционная инстанция обязана отменить приговор и вернуть уголовное дело для нового судебного разбирательства в новом составе суда.

Подобного рода нормы означают, что для этих граждан решение суда об отказе в удовлетворении отвода судьи не является окончательным актом, определяющим их правовое положение, и не исключает возможность последующей судебной проверки фактов, положенных в основу решения. В результате такие решения находятся в рамках судебного контроля, при этом доступ граждан к правосудию не ограничивается, что согласуется с пунктом

8 части 5 статьи 20 и частью 1 статьи 40 Конституции Кыргызской Республики. Следовательно, постановление, принимаемое судьей единолично по результатам заявленного отвода, не может носить окончательный характер, поскольку только суду, в конечном счете, принадлежит право делать выводы, имели ли место возможные факты, влияющие на беспристрастность судьи. Таким образом, реализация права на судебную защиту не может быть нарушена, поскольку действующими нормами Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не исключается возможность судебной проверки отказа в удовлетворении ходатайства об отводе судьи, одновременно с проверкой законности и обоснованности постановленного приговора или иного итогового акта по делу. Принимая во внимание вышеуказанное, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики пришла к выводу, что установленный оспариваемой нормой порядок единоличного разрешения вопроса отвода судьи не нарушает гарантированное Конституцией Кыргызской Республики право каждого на судебную защиту.

2) Решением от 15 февраля 2017 года Конституционная палата признала статью 328 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (*вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного постановления*) не противоречащей Конституции.

В своем решении Конституционная палата отметила, что привлечение судьи за вынесение им заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного постановления к уголовной ответственности должно осуществляться в соответствии с особой процедурой с учетом содержательной части принципа неприкосновенности судей. Заведомая неправосудность судебного акта может выражаться, в частности, в преднамеренном искажении в нем установленных по делу обстоятельств, в противоречащей закону квалификации деяния, назначении явно несправедливого наказания, как вследствие мягкости, так и вследствие суровости, в незаконном осуждении либо оправдании, в необоснованном удовлетворении гражданского иска либо отказе в нем, в грубом нарушении требований материального и процессуального закона и другие случаи, носящие очевидный характер преднамеренности принятого судебного акта. Заведомо неправосудное решение может быть вынесено как единолично судьей, так и коллегиально, при осуществлении любого, предусмотренного законом, судопроизводства. В связи с чем, субъективная сторона данного преступления характеризуется только прямым умыслом. При этом по оспариваемой норме не могут быть квалифицированы действия судьи (судей), если неправосудные судебные акты вынесены в результате непреднамеренной ошибки при применении норм материального и процессуального права, а также оценке доказательств и других материалов дела, которые повлияли на выводы при принятии соответствующего судебного акта.

В этой связи, при осуществлении уголовного преследования в отношении судьи за деяние, совершенное им в процессе осуществления правосудия, должен безусловно учитываться принцип обязательности судебных актов, их неукоснительного исполнения на всей территории Кыргызской Республики и опровержимости их только в судебном порядке в специальных, предусмотренных законом процедурах. Следовательно, вступивший в законную силу, не отмененный и не измененный судебный акт не может рассматриваться как неправосудный, поскольку отсутствие подтверждения в установленном порядке незаконности и необоснованности этого судебного акта вышестоящей судебной инстанцией предполагает его правосудность.

Соответственно, возбуждение уголовного дела Генеральным прокурором Кыргызской Республики в отношении судьи по признакам преступления, квалифицирующегося по статье 328 Уголовного кодекса Кыргызской Республики, если вынесенный им судебный акт не был отменен или изменен вышестоящей судебной инстанцией, необходимо считать, как возможность оценки судебного акта несудебным органом, и следовательно вмешательством в деятельность по осуществлению правосудия, что запрещается конституционными установлениями (часть 3 статьи 94 Конституции).

Также, в особом порядке привлечения судьи к уголовной ответственности существует требование о наличии решения дисциплинарной комиссии при Совете судей Кыргызской Республики о даче согласия на осуществление в отношении судьи уголовного преследования. Учитывая принцип неприкосновенности судей, из которого вытекает, что судьи не могут быть привлечены к уголовной и иной ответственности за мнения или решения, высказанные или принятые в ходе осуществления правосудия, дисциплинарная комиссия при Совете судей Кыргызской Республики не вправе самостоятельно определять, является ли конкретный судебный акт неправосудным, т.е. оценивать его законность и обоснованность, в том числе с точки зрения правильности применения материального закона или соблюдения процессуальных правил, – такая проверка может осуществляться лишь в специальных, закрепленных процессуальным законом процедурах, а именно посредством рассмотрения дела судами апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

Следовательно, если дисциплинарная комиссия при Совете судей Кыргызской Республики не усматривает обусловленности возбуждения уголовного дела в отношении судьи позицией, занимаемой им при осуществлении судейских полномочий, то она принимает решение о даче согласия на привлечение судьи к уголовной ответственности.

Таким образом, Конституционная палата признала, что оспариваемая норма, предусматривающая уголовную ответственность судей за вынесение ими заведомо неправосудных судебных актов, не нарушает принцип независимости судей и право каждого на судебную защиту,

предусмотренную Конституцией, и тем самым, не противоречит части 1 статьи 40, части 1 статьи 93, частям 1, 3 статьи 94 Конституции.

3) Решением от 17 февраля 2017 года Конституционная палата дала оценку конституционности частей 2 и 7 статьи 149 Налогового кодекса Кыргызской Республики.

В своем решении Конституционная палата отметила, что существом права на обжалование (в административном порядке) является не столько возможность налогоплательщика реализовать свое право на защиту своих интересов в досудебном порядке, сколько обязанность соответствующего налогового органа беспристрастно рассмотреть представленные возражения и принять решение в разумно короткие сроки, руководствуясь требованиями законности и обоснованности. Правомочие требовать рассмотрения жалобы от налогового органа обеспечивается всей совокупностью предусмотренных Налоговым кодексом Кыргызской Республики процедур и процессуальных сроков по разрешению поданной жалобы.

Вместе с тем, в соответствии с частью 1 статьи 149 Налогового кодекса Кыргызской Республики на жалобу налогоплательщика направляется решение уполномоченного налогового органа в отношении существа жалобы в срок не позднее 30 календарных дней. В то же время, часть 2 статьи 149 Налогового кодекса Кыргызской Республики предусматривает, что если в период рассмотрения жалобы от налогоплательщика поступили дополнения к первоначальной жалобе по взаимосвязанным налогам и платежам, срок рассмотрения по основной и дополнительной жалобам начинается со дня, следующего за днем поступления дополнения. Срок рассмотрения жалобы прерывается в случаях назначения встречной проверки, перепроверки, направления запросов в соответствующие органы для разъяснения порядка применения положений по вопросам налогообложения уполномоченным органам других государств в соответствии с международными договорами.

Тем самым, часть 2 статьи 149 Налогового кодекса Кыргызской Республики содержит в себе положения, допускающие возможность бесконечного продления срока рассмотрения жалобы и недопустимое расширение усмотрения уполномоченного налогового органа, что противоречит предназначению такого способа разрешения спора, призванного способствовать наиболее быстрому восстановлению нарушенных прав и интересов налогоплательщика.

В этой связи, законодателю поручено внести соответствующие изменения в правовое регулирование порядка досудебного разрешения налоговых споров с тем, чтобы такая процедура не содержала неопределенностей в вопросах срока досудебного разрешения спора, который должен быть установлен в рамках четко очерченных границ, исключающих бесконечное продление сроков рассмотрения жалобы. При этом Конституционная палата отметила, что при невозможности разрешения спора в эти сроки, независимо от причин, налогоплательщик должен иметь возможность использовать свое конституционное право на судебную защиту.

В свете изложенного, часть 2 статьи 149 Налогового кодекса Кыргызской Республики признана противоречащей части 1 статьи 40 Конституции в той мере, в какой она не определяет границы допустимых сроков досудебного разрешения споров, что является препятствием реализации конституционного права на судебную защиту.

В свою очередь, часть 7 статьи 149 Налогового кодекса Кыргызской Республики признана не противоречащей Конституции, поскольку данная часть, реализуя конституционное право каждого на судебную защиту, предоставляет налогоплательщику возможность обжаловать в судебном порядке решение уполномоченного налогового органа. Данная норма, являясь регулятивно-предоставительной, не содержит запретительных правил, имеющих императивное значение, соответственно, не может толковаться как правовая норма, исключающая возможность обращения налогоплательщика в суд на решение нижестоящей налоговой службы, после соблюдения досудебного порядка разрешения спора, с особенностями гражданского судопроизводства по административным делам. В связи с чем, оспариваемая норма не может рассматриваться как противоречащая принципам правового государства. *(Примечание: данное решение исполнено).*

4) Решением от 22 февраля 2017 года Конституционная палата признала абзац второй части четвертой статьи 4 Закона «О нотариате» не противоречащей Конституции.

Оспариваемый на предмет конституционности абзац второй части четвертой статьи 4 Закона Кыргызской Республики «О нотариате» определяет, что к нотариальной деятельности не допускаются лица, имеющие судимость за умышленное преступление, независимо от того, снята она или погашена.

В своем решении Конституционная палата отметила, что умышленное преступление – это опасный вид социального поведения, отклоняющегося от общепринятых правил, совершаемое осознанно и представляющее опасность для окружающих. Лицу, совершившему умышленное преступление, свойственны негативные социальные качества и потребности. Поэтому, личность человека, когда-либо совершившего умышленное преступление, так или иначе, может подвергаться сомнениям со стороны общества и подрывать доверие граждан к публично-правовым институтам, в которых такие лица намерены работать.

Нотариат, представляющий собой систему государственных и частнопрактикующих нотариусов, осуществляющих от имени государства правоохранительно-юрисдикционные функции, не может полноценно и эффективно функционировать без должного уровня доверия со стороны общества.

В этой связи, совершаемые нотариусом нотариальные действия весьма значимы для субъектов гражданских правоотношений, предполагающее осуществление этих действий лицами, обладающими высоким профессионализмом, компетентностью, ответственностью и репутацией,

вызывающей безусловное доверие со стороны общества. Поэтому законодатель, обеспечивая соблюдение законности и равной защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц, установил для нотариусов ограничение, связанное с отсутствием судимости за умышленные преступления, независимо от того снята она или погашена. В связи с чем, Конституционная палата признала введенное оспариваемой нормой ограничение соразмерным цели обеспечения защиты прав и свобод других лиц, установленной частью 2 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики.

5) Решением от 29 марта 2017 года Конституционная палата дала оценку конституционности статьи 6 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере противодействия терроризму и экстремизму» и признала оспариваемое положение не противоречащей Конституции.

В своем решении Конституционная палата отметила, что Законом «О внесении изменений в Конституцию Кыргызской Республики», принятом референдумом 11 декабря 2016 года, внесены изменения в Конституцию в регулировании вопроса гражданства. В частности, часть 2 статьи 50 Конституции гласит, что ни один гражданин не может быть лишен своего гражданства и права изменить свое гражданство иначе, как в случаях и порядке, установленных конституционным законом.

При этом конституционное новшество никоим образом не ухудшает положение человека в вопросе гражданства. Действовавшее ранее конституционное установление о том, что «ни один гражданин не может быть лишен своего гражданства и права изменить свое гражданство» могло рассматриваться в качестве неотъемлемого права человека только при условии соблюдения гражданином принципа лояльности и не нанесения вреда жизненно важным интересам государства, гражданином которого он является. Иное понимание противоречило бы сущности гражданства, как отношений между человеком и государством, основанных на взаимных обязательствах.

Поэтому внесенными поправками повысились лишь требования к регламентации вопроса лишения гражданства и права изменить гражданство посредством конституционного закона, обладающего более высокой юридической силой, чем кодифицированный или органический закон, что соответствует возрастающей значимости этого вопроса в обществе.

Наряду с этим, Конституция предусматривает правовое регулирование вопросов гражданства законами, имеющими различный правовой статус. Так, согласно абзацу второму части 3 статьи 50 Конституции порядок и условия предоставления гражданства Кыргызской Республики должны определяться законом, а вопросы лишения гражданства и ограничения права на изменение гражданства, в силу части 2 этой же статьи, регулироваться конституционным законом.

Вместе с тем, Конституционная палата обратила внимание на то, что правовое регулирование вопросов гражданства в различных законодательных актах может создать предпосылки к неэффективности регулятивных методов в реализации конституционных положений о гражданстве. Ввиду этого, Конституционная палата рекомендовала Жогорку Кенешу и Правительству Кыргызской Республики отрегулировать вопросы гражданства в одном нормативном правовом акте с более высоким правовым статусом – в конституционном законе.

Статьей 6 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере противодействия терроризму и экстремизму» пункт 1 статьи 26 Закона «О гражданстве Кыргызской Республики», предусматривающий основания утраты гражданства, был дополнен случаем прохождения лица за пределами Кыргызской Республики подготовки, направленной на приобретение умений и навыков совершения террористического или экстремистского преступления.

Конституционная палата в своем решении отметила, что содержащиеся в Законе «О гражданстве Кыргызской Республики» нормы об утрате гражданства, в силу отсутствия конституционного закона, регламентирующего этот вопрос, представляют собой естественное правовое расхождение, возникшее в результате изменения Основного закона, когда этот вопрос уже не может регулироваться по той процедуре, которая была принята, а новая еще не разработана. Однако возникшая правовая коллизия не может служить основанием для признания оспариваемой нормы закона неконституционной. В этом случае по правилам действия закона во времени и в соответствии с частью 3 статьи 2 Закона «О внесении изменений в Конституцию Кыргызской Республики» Закон «О гражданстве Кыргызской Республики» от 21 мая 2007 года с изменениями и дополнениями по состоянию на 2 августа 2016 года подлежит применению в той части, в которой не противоречит части 2 статьи 50 Конституции Кыргызской Республики.

В этой связи, статья 6 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере противодействия терроризму и экстремизму» не отменяет и не умаляет права и свободы человека и гражданина, в том числе на гражданство и право изменить гражданство, не нарушает право каждого на судебную защиту, соответственно, не может рассматриваться как противоречащая пункту 8 части 5 статьи 20, части 1 статьи 26, части 2 статьи 50 Конституции Кыргызской Республики в том конституционно-правовом истолковании, в каком осуществлен Конституционной палатой в указанном решении.

б) Решением от 19 апреля 2017 года Конституционная палата признала абзацы первый и второй части 1 статьи 15, часть 1 статьи 17 конституционного Закона «О статусе судей Кыргызской Республики» не противоречащей Конституции.

Согласно требованиям нормативных положений, явившихся предметом конституционной проверки, судьей может быть только гражданин Кыргызской Республики, имеющий высшее юридическое образование по направлению подготовки «юриспруденция» с присвоением академической степени «магистр» при наличии академической степени «бакалавр» юриспруденции.

В своем решении Конституционная палата отметила, что судебная власть как одна из ветвей государственной власти призвана охранять право, правовые устои государственной и общественной жизни от любых нарушений, кто бы их не совершал. Исходя из конституционно-правового статуса судей, predeterminedого тем, что они осуществляют публично-правовые задачи судебной власти, к судьям предъявляются повышенные требования – высокий профессионализм, компетентность, ответственность, наличие соответствующей подготовки, знаний и навыков, необходимых для выполнения служебных обязанностей.

При этом компетентность судей рассматривается как принцип, основное начало построения и функционирования судебной системы. Правовая подготовка судьи, его квалификация является краеугольным камнем судейской функции. Это такой принцип, который должен определять и отбор кандидатов в судьи, и продвижение их карьеры. Особо значимо то, что от степени подготовки, правовой компетентности судей зависит как прямой результат их работы – качество отправления правосудия и составления судебных актов, так и доверие общества к судебной власти.

Принцип правовой компетентности, заложенный в части 1 статьи 4 конституционного Закона «О статусе судей Кыргызской Республики», предполагает, что законодатель, исходя из особого статуса судей, должен предъявлять к ним как носителям судебной власти высокие стандарты к квалификации и иные требования, в том числе по уровню подготовки. Это означает, что уровень судейской квалификации должен быть высоким, то есть выше уровня, признаваемого средним в той сфере, где работает судья, но не ниже, чем уровень подготовки профессиональных представителей участников процесса.

Сомнения граждан в компетентности и профессионализме судей могут вызвать сомнения в законности и обоснованности их действий как носителей публичной власти, поскольку осуществление правосудия является одним из основных конституционных институтов, фундаментальных элементов государственности.

Поэтому установление таких требований, обусловлено задачами организации и функционирования судебной ветви власти, с целью поддержания ее высокого уровня, специфическим характером профессиональной деятельности лиц, исполняющих обязанности судьи. Соответственно законодатель исходил из интересов всего общества и государства, а не какой-то его части (часть 1 статьи 5 Конституции).

7) Решением от 24 мая 2017 года Конституционная палата признала нормативное положение части 2 статьи 378 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, выраженное словами «неявка сторон не препятствует рассмотрению дела» не противоречащим Конституции.

Обосновывая конституционность указанной нормы, Конституционная палата отметила, что оспариваемая норма находится в системной связи с первым предложением части 2 статьи 378 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, которым установлено, что извещение сторон о времени судебного заседания допускает возможность рассмотрения дела без участия сторон лишь в случаях их неявки в суд после надлежащего извещения. Поэтому неявка сторон, извещенных в установленном порядке о времени и месте судебного заседания, является их волеизъявлением, подтверждающим отказ от права непосредственного участия в судебном разбирательстве и реализации других процессуальных прав. В этой связи, такое обстоятельство не может быть препятствием для рассмотрения дела по существу в надзорной инстанции. Тем более, при рассмотрении уголовного дела в порядке надзора суд проверяет правильность применения норм материального и процессуального права судами первой и второй инстанций, правильность дачи оценки доказательствам, законность и обоснованность судебных решений. При этом суд не исследует новые доказательства и не выходит за рамки обстоятельств рассматриваемого дела.

8) Решением от 7 июня 2017 года Конституционная палата дала оценку конституционности части 2 статьи 94 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики и признала оспариваемую норму не противоречащей Конституции в том конституционно-правовом понимании, в каком указано в мотивировочной части (пункты 4 и 5) рассматриваемого решения.

В соответствии с частью 1 статьи 94 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики лицо, подозреваемое в совершении преступления, может быть задержано, если лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; если очевидцы, в том числе и потерпевшие, прямо укажут на данное лицо, как на лицо, совершившее преступление; если на подозреваемом или на его одежде, при нем или в его жилище, будут обнаружены явные следы преступления.

Из содержания оспариваемой нормы вытекает, что лицо также может быть задержано по следующим основаниям: при наличии иных данных, дающих основание подозревать его в совершении преступления; когда оно не имеет постоянного места жительства; не установлена его личность; когда им предпринималась попытка к побегу (часть 2 статьи 94 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики). Приведенные основания, с учетом примененной законодательной техники изложения оспариваемой нормы, являются самостоятельными при задержании лица по подозрению в совершении преступления. Такое основание задержания лица как «при наличии иных данных, дающих основание подозревать его в совершении

преступления» без взаимосвязи с остальными основаниями, указанными в части 2 статьи 94 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, представляет собой норму без четких и однозначных определений, которые дают возможность широкого усмотрения и создают потенциальную угрозу нарушения конституционных прав граждан, гарантированных Конституцией Кыргызской Республики. Применение к лицу такой меры процессуального принуждения как задержание на основе расширительного толкования оспариваемой нормы является несоразмерным и неоправданным ограничением конституционного права на свободу и личную неприкосновенность. Лишение или ограничение конституционного права на свободу и личную неприкосновенность гражданина, должно осуществляться на основе определенных законных оснований и критериев, исключающих возможность его иного толкования и должно соответствовать концептуальным основам конституционного и уголовно-процессуального законодательства. В соответствии с принципом правовой определенности обуславливается необходимость формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования, поскольку правовая определенность может быть обеспечена лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы. Законоположения, не отвечающие указанным критериям, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность их неоднозначного истолкования и произвольного применения и, тем самым, могут приводить к нарушению конституционных прав и свобод человека и гражданина. В этой связи, применение такого основания, как «при наличии иных данных, дающих основание подозревать его в совершении преступления» в качестве самостоятельного основания для задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, может нарушать гарантированное Конституцией Кыргызской Республики право каждого на свободу и личную неприкосновенность. Однако применение этого основания во взаимосвязи с другими основаниями, указанными в части 2 статьи 94 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, в совокупности придают «иным данным» не меньшее значение для достижения целей правосудия, чем основания, указанные в части 1 этой же статьи. Соответственно, такое основание как «при наличии иных данных, дающих основание подозревать его в совершении преступления», применяемое в совокупности и при наличии оснований, указанных в части 2 статьи 94 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, является ограничением прав и свобод, соразмерным целям, установленным в части 2 статьи 20 Конституции Кыргызской Республики.

В свете изложенного, Жогорку Кенешу Кыргызской Республики поручено внести соответствующее изменение в часть 2 статьи 94 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в соответствии с мотивировочной частью (пункт 4) отмеченного решения. *(Примечание: данное решение исполнено).*

9) Решением от 28 июня 2017 года Конституционная палата дала оценку конституционности подпункта «б» пункта 1 статьи 1 Закона «О внесении изменений в Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности» от 28 декабря 2016 года и признала оспариваемое положение не противоречащей Конституции.

Согласно оспоренному положению предоставление, передача, использование жилых помещений в многоквартирном доме в качестве почасовых и посуточных гостиниц влекут за собой наложение штрафа на граждан в размере семьдесят, на должностных лиц – девяносто, на юридических лиц – семьсот расчетных показателей.

В своем решении Конституционная палата отметила, что закрепляя за гражданами право на свободное использование своего имущества для любой экономической деятельности, Конституция устанавливает, что данное право может быть предоставлено только в том случае, когда такая деятельность не запрещена законом. Иначе говоря, конституционное право граждан на свободу использования имущества в экономических целях может быть ограничено законодателем в той мере, в какой это необходимо, в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и законных интересов других лиц (части 2, 3 статьи 20 Конституции).

При этом правовая природа и предназначение квартир в многоквартирном доме, как жилых помещений, заключается в их использовании исключительно в целях проживания в них граждан. Руководствуясь принципами жилищного законодательства, законодатель установил запрет на размещение в жилых помещениях в многоквартирном доме гостиниц, а также использование их для любых других целей, кроме проживания.

Однако несмотря на законодательный запрет размещения в многоквартирных домах гостиниц, этот порядок в Кыргызской Республике гражданами не соблюдался, что влекло за собой нарушения конституционных прав и свобод значительного количества граждан. Следовательно, установление административной ответственности за нарушения нормативных предписаний жилищного законодательства является логическим продолжением нормотворческой деятельности законодателя.

В этой связи, оспариваемая норма, устанавливающая административный штраф за предоставление, передачу и использование жилых помещений в многоквартирном доме в качестве почасовых и посуточных гостиниц, является ограничением, соразмерным конституционным целям обеспечения охраны общественного порядка, здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц и не может рассматриваться как противоречащая Конституции.

10) Решением от 5 июля 2017 года Конституционная палата дала оценку конституционности пункта 7 части 4 статьи 60 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики и признала оспариваемую

норму противоречащей части 5 статьи 26 Конституции в той мере, в какой не допускает допрос близких родственников подозреваемого, обвиняемого, подсудимого при наличии их желания давать показания.

В своем решении Конституционная палата отметила, что показания против себя или близких родственников, то есть лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, могут быть даны только с соблюдением принципа добровольности и диспозитивности. Данную норму следует рассматривать как правовую гарантию против самообвинения и принуждения к даче показаний против себя самого, своего супруга или близких родственников, к которым отнесены родители, супруг (супруга), дети, усыновители, усыновленные, полнородные и неполнородные братья и сестры, дед, бабушка, внуки. Освобождая граждан от обязанности свидетельствовать против себя, своего супруга(и) и близких родственников, законодатель тем самым установил юридические предписания в соответствии с частью 5 статьи 26 Конституции Кыргызской Республики и нравственными представлениями о недопустимости принуждения человека причинять вред самому себе и близким родственникам.

Установление запрета на допрос в качестве свидетелей близких родственников подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, тем не менее, не должно ограничивать их в праве давать соответствующие показания в случаях, когда они заинтересованы в оглашении той или иной информации. Следовательно, органы следствия и суды не вправе отказывать в даче свидетельских показаний лицам, изъявившим такое желание при заявлении ими соответствующего ходатайства. Необходимость использования добровольных свидетельских показаний близких родственников подозреваемого, обвиняемого и подсудимого является одной из составляющих реализации принципа состязательности и равноправия сторон путем наделения сторон обвинения и защиты равными процессуальными правами. Таким образом, близкие родственники подозреваемого, обвиняемого, подсудимого не должны лишаться возможности давать показания об известных им обстоятельствах по делу.

В свете изложенного, Жогорку Кенешу Кыргызской Республики поручено внести соответствующее изменение в часть 5 статьи 60 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в соответствии с мотивировочной частью (пункт 4) указанного решения. *(Примечание: данное решение не исполнено).*

II. Обзор исполнения решений Конституционной палаты.

В целом, с момента формирования Конституционной палаты (2013 г.) и по состоянию на 31 декабря 2017 года принято всего 75 решений и 1 заключение, из них:

- решений о признании нормативных правовых актов непротиворечащими Конституции – 58, где в 17 решениях содержатся поручения по внесению соответствующих изменений и дополнений в

законодательство Кыргызской Республики, выявленных в ходе проверки конституционности оспариваемых норм;

- решений о признании оспариваемых нормативных правовых актов противоречащими или частично противоречащими Конституции – 17, в 14 из которых содержатся поручения по внесению соответствующих изменений и дополнений в законодательство Кыргызской Республики.

Конституционная палата, ежегодно подводя итоги своей деятельности, руководствуясь пунктом 3 части 2 статьи 4 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики», анализирует исполнение принятых ею актов. Однако анализ информации, предоставленной нормотворческими органами, чьи акты явились предметом рассмотрения Конституционной палаты показывает, что по состоянию на 31 декабря 2017 года из 31 поручения, вытекающего из решений Конституционной палаты, исполнены 21 решение Конституционной палаты (68%), 1 решение снято с контроля в связи с внесением изменений в Конституцию, не исполненными остаются еще 9 решений Конституционной палаты (32%):

1) Решением от 26 ноября 2013 года Конституционная палата дала оценку конституционности статьи 427 Трудового кодекса Кыргызской Республики.

Согласно оспоренному нормативному положению индивидуальные трудовые споры руководящих работников, избираемых, утверждаемых или назначаемых на должности Президентом Кыргызской Республики, Жогорку Кенешем Кыргызской Республики, Премьер-министром Кыргызской Республики, по вопросам увольнения, изменения даты и формулировки причины увольнения, перевода на другую работу, оплаты за время вынужденного прогула или выполнения нижеоплачиваемой работы и наложения дисциплинарных взысканий разрешаются во внесудебном порядке. Данная норма также устанавливает, что такие решения указанных должностных лиц обжалованию не подлежат.

Конституционная палата в своем решении указала, что в отношении руководящих работников, состоящих на государственной службе, в частности, занимающих административные государственные должности, освобождение которых осуществляется распоряжением Премьер-министра в порядке, определяемом законодательством, недопустимо введение ограничения права на судебное обжалование решений, принятых по вопросам их увольнения, изменения даты и формулировки причины увольнения, перевода на другую работу, оплаты за время вынужденного прогула или выполнения нижеоплачиваемой работы и наложения дисциплинарных взысканий. Увольнение данной категории руководящих работников возможно исключительно по основаниям, определенным законодательством. Аналогичный принцип должен действовать в отношении иных руководящих работников, входящих в номенклатуру должностей, на

которые назначение, утверждение (освобождение) от должности осуществляется Премьер-министром.

В свете изложенного, Конституционная палата, признав статью 427 Трудового кодекса соответствующей Конституции в отношении лиц, занимающих политические должности, отметила о неконституционности указанной статьи по отношению к лицам, занимающим административные государственные должности и иные категории руководящих должностей, назначаемых Президентом Кыргызской Республики, Жогорку Кенешем Кыргызской Республики, Премьер-министром Кыргызской Республики (*решение не исполнено*).

2) 11 июля 2014 года Конституционная палата приняла решение о том, что Декреты Временного Правительства Кыргызской Республики от 3 ноября 2010 года № 146 «О национализации земельного участка и нежилого помещения, расположенных по адресу: город Джалал-Абад, ул. Курманбека, 8», от 3 июня 2010 года № 60 «О национализации общества с ограниченной ответственностью «Ташкомур», от 12 августа 2010 года № 121 «О национализации 13, 21 процента акций открытого акционерного общества «Кантский цементный завод», от 20 мая 2010 года № 48 «О национализации земельного участка и объектов общества с ограниченной ответственностью «Пансионат Витязь», от 19 июля 2010 года № 99 «О национализации объектов оздоровительно-туристического комплекса «Аврора Грин», пункт 4 Декрета Временного Правительства Кыргызской Республики от 28 сентября 2010 года № 130 «О внесении изменений и дополнения в некоторые декреты Временного Правительства Кыргызской Республики», а также иные Декреты Временного Правительства Кыргызской Республики не могут быть предметом судебного разбирательства в рамках конституционного или любого другого вида судопроизводства. Свои выводы Конституционная палата мотивировала тем, что оспариваемые Декреты приняты вне установленных нормотворческих процедур, не обладают формальными признаками нормативных правовых актов и не могут быть исследованы и разрешены юридическими способами, имеющимися в распоряжении Конституционной палаты. Более того, Конституционная палата отметила, что именно по этой причине Декреты не могут быть предметом рассмотрения и судов общей юрисдикции.

Однако Конституционная палата указала, что органам государственной власти с целью детального изучения вопросов, затрагиваемых оспариваемыми Декретами и обеспечения заинтересованных субъектов правом на доступ к правосудию, необходимо предпринять должные меры, разработать механизм разрешения спорных вопросов в рамках действующего правового поля.

Содержательное значение данного обязательства выражается в создании необходимых условий, в которых субъект любой из форм собственности будет иметь возможность реализации по своему усмотрению своих правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом, а

также будет иметь доступ к эффективным средствам защиты в случае необходимости. По этой причине Конституционная палата поручила Правительству Кыргызской Республики создать правовые механизмы, обеспечивающие в разумные сроки разрешение спорных отношений по Декретам Временного Правительства Кыргызской Республики и возможность восстановления имущественных прав законных собственников (*решение не исполнено*).

3) 4 сентября 2014 года Конституционная палата вынесла решение о том, что части 2, 3 статьи 8 Закона «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике», содержащие вопросы о запрещении деятельности и функционирования религиозных организаций без учетной регистрации; о создании религиозной организации по инициативе не менее двухсот граждан Кыргызской Республики, достигших совершеннолетнего возраста и постоянно проживающих на территории Кыргызской Республики не противоречат нормам Конституции, а норма абзаца 3 части 2 статьи 10 этого Закона, состоящая из слов «согласованный с местными кенешами...» противоречит Конституции.

Свое решение Конституционная палата обосновала следующими выводами.

Религиозная организация считается одним из видов некоммерческих организаций и подразделением социальной структуры общества. В связи с тем, что за последние годы религиозные организации стали одним из активных элементов общества, законодатель утвердил требования по учетной регистрации религиозных организаций. Данные требования не могут быть рассмотрены как ограничения по вероисповеданию, так как, учет религиозной организации уполномоченным государством органом по делам религий позволяет выявить соотношение деятельности организации декларируемым ценностям, оценить общественную безопасность функций и действий религиозной общины.

Вместе с тем, Конституционная палата отметила, что основываясь на принципах определения вопросов местного значения, закрепленных в статье 16 Закона «О местном самоуправлении», согласование списка граждан, являющихся инициаторами создания религиозной организации, согласно Закону «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике», если функции учетной регистрации возложены на государственный орган по делам религий, то они не могут относиться к вопросам местного значения.

Более того, оспариваемый Закон не определяет критерии согласования списка граждан, не соблюдение которого со стороны инициаторов при согласовании с местным кенешем может привести к отказу. Такая правовая неопределенность в вопросах порядка, сроков, критериев согласования приводит к разному пониманию и применению местными кенешами оспариваемой заявителем нормы. Отсутствие закрепленных законом процедур отказа при согласовании списка инициаторов для создания

религиозной организации местным кенешем, лишает обращающихся защиты своих прав в судебном порядке. Это, в свою очередь, приводит к нарушению права на свободу объединения, закрепленного в статье 35 Конституции.

В свете изложенного, учитывая социальную активность религиозных организаций, деятельность которых в той или иной мере может влиять на решение вопросов местного значения, законодателю поручено предусмотреть в законе обязанность информирования органов местного самоуправления религиозными организациями, о своем намерении осуществлять свою деятельность на соответствующей территории (*решение не исполнено*).

4) Решением от 14 сентября 2015 года Конституционная палата дала оценку конституционности части 1, пункта 2 части 2 статьи 2, абзаца 3 статьи 3, пунктов 1, 2 статьи 4, частей 1, 2 статьи 5, частей 1, 3 статьи 6, статьи 7 Закона «О биометрической регистрации граждан Кыргызской Республики» и признала оспоренные положения не противоречащими Конституции.

Свои выводы Конституционная палата мотивировала тем, что случаи возможного вмешательства государства в осуществлении права на неприкосновенность частной жизни допускаются только на основании закона с обязательной гарантией защиты, в том числе судебной и исключительно в целях защиты национальной безопасности и общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. Поэтому Конституционная палата отметила, что возможность законодательного вмешательства на сбор, хранение или распространение информации о частной жизни человека без его согласия должно соответствовать конституционно значимым целям, обозначенным в Конституции. В свою очередь, введение такого механизма как биометрическая регистрация граждан, предусматривающая сбор, хранение, использование и распространение биометрических данных, должно быть соразмерным указанным конституционным целям.

Конституционная палата также указала, что учитывая социально-политическую значимость выборов, государство вправе разрабатывать и использовать различные инструменты обеспечения прозрачности, честности и справедливости проводимых выборов, где одним из таких инструментов может являться использование новых технологий в составлении актуализированного списка избирателей.

В свете изложенного, Конституционная палата решила, что биометрическая регистрация граждан с целью своевременной регистрации граждан и выдачи идентификационных документов, а также составления актуализированного списка избирателей, как неотъемлемой части избирательного процесса, способной обеспечить честные, свободные и прозрачные выборы, является соразмерным ограничением права на неприкосновенность частной жизни, в рамках обеспечения защиты национальной безопасности государства.

Вместе с тем, Конституционная палата отметила, что иные задачи, определенные в оспариваемой норме (часть 2 статьи 2 Закона), несмотря на

их государственную и социальную значимость, носят недопустимо обобщенный характер, что является неприемлемым при ограничении прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией. Указанные задачи, по своей сути, являются целями оспариваемого Закона, достижение которых предполагается посредством создания актуализированной базы данных граждан Кыргызской Республики с использованием биометрических данных. В этой связи, Конституционная палата поручила законодателю о необходимости внесения соответствующих изменений в Закон «О биометрической регистрации граждан Кыргызской Республики» определяющие точные и ясные цели данного оспариваемого Закона, а также механизмы их достижения. При этом Конституционная палата указала законодателю о необходимости правильного использования юридической терминологии в законотворческом процессе, чтобы исключить двусмысленность и неоднозначное понимание норм Закона.

В своем решении Конституционная палата обратила внимание на то, что биометрические данные являются особо чувствительной категорией персональных данных, незаконное использование которых создают угрозу и могут нанести существенный вред правам и законным интересам субъектов этих данных. В этой связи, Конституционной палатой отмечено, что уполномоченный государственный орган, в ведении которого находится сбор, хранение, использование и распространение биометрических данных должен обеспечить неукоснительное исполнение законов «Об информации персонального характера», «Об информатизации», «О защите государственных секретов Кыргызской Республики» для исключения несанкционированного доступа к базе данных.

Конституционная палата также указала, что согласно части 3 статьи 29 Конституции использование и распространение конфиденциальной информации, информации о частной жизни человека без его согласия допускаются только в случаях, установленных законом. Установление такого порядка иными нормативными правовыми актами недопустимо. Вследствие чего, Конституционная палата установила, что нормативное положение оспоренного Закона (часть 2 статьи 7), устанавливающее получение информации о биометрических данных без согласия субъекта в случаях, предусмотренных законодательством Кыргызской Республики, не противоречит части 3 статьи 29 Конституции при условии, что под понятием «законодательство» подразумеваются только законы Кыргызской Республики.

Поэтому Конституционная палата отметила, что иное понимание оспоренных норм Закона (часть 3 статьи 6, часть 2 статьи 7) может привести к нарушению конституционной гарантии обеспечения безопасности персональных данных, конституционных прав и свобод человека и гражданина. В связи с чем, в целях исключения двусмысленности в понимании и применении этих норм законодателю поручено внести

соответствующие изменения в Закон «О биометрической регистрации граждан Кыргызской Республики» (*решение не исполнено*).

5) Решением от 27 ноября 2015 года Конституционная палата дала оценку конституционности нормативного положения части 11 статьи 22 конституционного Закона «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» устанавливающего, что в период избирательной кампании граждане Кыргызской Республики вправе вести предвыборную агитацию, требующую финансирования, только по согласованию с кандидатами, политическими партиями, выдвинувшими списки кандидатов, и через их избирательные фонды. Оспоренное нормативное положение по результатам конституционной проверки признано не противоречащим Конституции.

Обосновывая конституционность указанной нормы, Конституционная палата отметила, что законодательное регулирование оспоренного нормативного положения направлено на упорядочение агитационной деятельности кандидата или политической партии, выдвинувшей список кандидатов, в период избирательной кампании, требующей финансирования за счет избирательного фонда. Это связано с сущностью агитационного процесса и необходимостью установления единых правил поведения, распространяющихся на всех участников предвыборной агитационной кампании, исключаящих различного рода произвольные действия, способные привести к нарушению принципов избирательной системы, и касаются исключительно зарегистрированных кандидатов. Поэтому Конституционная палата пришла к выводу, что доводы субъекта обращения о том, что оспоренное нормативное положение содержит запрет на проведение предвыборной агитации, направленной против всех кандидатов, гражданами лично за счет собственных денежных средств, не состоятельны. Соответственно, проведение гражданами предвыборной агитации против всех кандидатов выходит за пределы правового регулирования оспоренного нормативного положения.

Однако Конституционная палата указала на то, что законодатель, избирая те или иные формы регулирования, связанные с реализацией права на предвыборную агитацию, должен исходить из необходимости достижения объективного результата выборов и формирования на этой основе легитимных представительных органов публичной власти. Вследствие чего, правоотношения, связанные с предвыборной агитацией против всех, требуют отдельного правового регулирования, поскольку являются производным от признаваемой законодателем возможности избирателей выразить свою волю путем заполнения графы «против всех» в избирательном бюллетене.

В связи с изложенным, законотворческому органу поручено устранить правовую неопределенность в вопросе, вытекающей из данного нормативного положения (*решение не исполнено*).

6) Решением от 27 января 2016 года Конституционная палата дала оценку конституционности абзаца 2 части 1 статьи 14 Закона «О местной

государственной администрации», в соответствии с которым гражданин Кыргызской Республики, совершивший тяжкое и особо тяжкое преступление, преступление против государственной власти, имеющий судимость за совершение преступления, независимо от того, погашена она или снята, не может быть акимом. Оспоренное положение признано не противоречащим Конституции.

Обосновывая конституционность указанной нормы, Конституционная палата отметила, что принцип равных возможностей не исключает особого подхода к правовому регулированию профессиональной деятельности государственных служащих. Установление таких особенностей в правовом регулировании служебных отношений государственных служащих обусловлено задачами, принципами организации и функционирования государственной службы с целью поддержания ее высокого уровня, специфическим характером профессиональной деятельности лиц, исполняющих обязанности на государственной должности. Суть этих особенностей состоит в том, что они, по сравнению с другими сферами трудовой деятельности, закрепляют особые требования к государственным должностям, устанавливая для них определенного рода ограничения.

Тем более, Конституционная палата, в отдельных своих решениях высказывала позицию, что «для устойчивости основ конституционного строя государство всегда нуждается в эффективных правовых механизмах, которые должны оградить его от злоупотреблений и криминализации публичной власти. Создавая соответствующие правовые механизмы, законодатель вправе устанавливать повышенные требования к репутации лиц, занимающих публичные должности. Такие требования устанавливаются для того, чтобы у граждан не рождались сомнения в их морально-этических и нравственных качествах, чтобы у граждан не возникали сомнения в законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти. В связи с чем, законодатель, рассматривая криминализацию власти как угрозу национальной безопасности, вправе использовать для достижения указанных целей определенные ограничения права граждан на государственную службу». Поэтому Конституционная палата пришла к выводу о том, что ограничение права граждан совершивших преступления занимать должности акима – главной государственной должности на территории района, оправдано как мера, направленная на предотвращение подрыва социальной поддержки и легитимности органов публичной власти. Такая мера преследует конституционно значимые цели повышения конституционной ответственности и действенности принципов правового демократического государства, сохранения и надлежащего функционирования публичного правопорядка, предупреждения криминализации власти.

Однако Конституционной палатой отмечено, что оспоренное положение Закона «О местной государственной администрации» было принято без учета характера, общественной опасности, тяжести совершенного гражданином

преступления, назначенного наказания и пройденного времени после совершения преступления. В связи с чем, законодателю поручено пересмотреть данную норму в отношении граждан, совершивших преступления небольшой тяжести и менее тяжкие преступления, с учетом характера преступлений и степени общественной опасности (*решение не исполнено*).

7) Решением от 17 февраля 2016 года Конституционная палата дала оценку конституционности пункта 2 статьи 215 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, в соответствии с которым юридические лица и граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью, не могут восстанавливать срок исковой давности ни при каких обстоятельствах. По истечении этого срока, общий срок которого составляет 3 года, суд обязан отказать в принятии к рассмотрению требований о защите нарушенных прав без какой-либо возможности проверки уважительности причин такого пропуска срока именно от этой категории субъектов гражданских правоотношений.

Конституционная палата отметила, что данное нормативное установление является законодательным ограничением, препятствующим реализации права на судебную защиту. Так, Конституционная палата обратила внимание на то, что в правоприменительной практике возникают ситуации, когда заинтересованное лицо не может воспользоваться механизмом судебной защиты своих прав по причине истечения срока исковой давности, не зная и не имея реальной возможности знать о факте нарушения своего права.

Вместе с этим Конституционная палата указала, что различный подход законодателя к разным группам субъектов гражданских правоотношений, предусмотренных в пункте 2 статьи 215 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, часть из которых не имеют права на восстановление сроков исковой давности, противоречит конституционному принципу равенства всех перед законом и судом и не может в равной степени защитить всех добросовестных участников гражданского оборота.

В свете изложенного, оспоренное положение признано противоречащим Конституции. Кроме того, законодателю поручено внести соответствующие изменения в пункт 2 статьи 215 Гражданского кодекса Кыргызской Республики предоставляющие субъектам, предусмотренным в абзаце первом пункта 2 статьи 215 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, правовую возможность восстановления пропущенного срока исковой давности при наличии определенных обстоятельств, уравнивая их в этой части с остальными участниками гражданских правоотношений (*решение не исполнено*).

8) Решением от 2 ноября 2016 года Конституционная палата дала оценку конституционности части 5 статьи 15, частей 3, 5, 7 статьи 21, пунктов 1-5 части 1 статьи 22 Закона «О противодействии организованной

преступности». Оспоренное положение Закона признано не противоречащим Конституции.

Обосновывая конституционность указанной нормы, Конституционная палата указала, что данный Закон предусматривает меры ограничительного характера, применяемые в отношении лиц, причастных к организованной преступности. Однако указанные меры используются в целях защиты общества и его членов от опасных посягательств и не могут рассматриваться как мера наказания, предусмотренная уголовным законом. Такие ограничения некоторых прав и свобод служат также средством, обладающим профилактическим потенциалом, препятствующим человеку или группе лиц совершать преступления. В связи с чем, предусмотренные оспариваемым Законом меры ограничительного характера являются допустимыми и не противоречат Конституции.

Конституционная палата также отметила, что разглашение материалов, содержащих сведения о государственных секретах, может нанести непоправимый ущерб интересам государства в противодействии организованной преступности. Поэтому ограничение допуска к материалам дела участников процесса, имеющих соответствующий гриф секретности, является допустимым, поскольку это направлено на обеспечение национальной безопасности, общественного порядка, прав и свобод других лиц, нравственности и здоровья населения.

Вместе с тем, Конституционная палата обратила внимание законодателя на то, что возможность обжалования решения суда о постановке на оперативно-превентивный учет является дополнительной гарантией в обеспечении прав лица, в отношении которого вынесено такое решение. Однако, законодатель не отрегулировал процессуальный порядок судопроизводства рассмотрения таких категорий материалов, а также порядок обжалования судебного акта о постановке на оперативно-превентивный учет и применение видов возлагаемых судом обязанностей, что следует рассматривать как пробел законодательства. В связи с чем, законодателю поручено восполнить данный правовой пробел (*решение не исполнено*).

Примечание: 1 не исполненное решение указано в первом разделе настоящей Информации.

III. Изменения в законодательство по вопросу исполнения решений Конституционной палаты.

Решения Конституционной палаты подлежат безусловному и безоговорочному исполнению. Однако сам по себе высокий ранг решений Конституционной палаты, как показала практика, не является гарантией повсеместного утверждения должного отношения к ним. Необходимость повышения эффективности решений Конституционной палаты, их влияния на правовую действительность обусловили изменения в законодательство. Так, 22 июня 2017 г. Жогорку Кенешем Кыргызской Республики принят

конституционный Закон «О внесении изменений в конституционный Закон Кыргызской Республики «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики», который подписан Президентом Кыргызской Республики 20 июля 2017 г.

Согласно внесенным поправкам Правительство Кыргызской Республики определено в качестве ответственного органа по разработке соответствующих законопроектов, если решением Конституционной палаты конституционный закон, кодекс или закон признан противоречащим Конституции полностью или частично, либо из ее решения вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании. В таких случаях, **Правительство Кыргызской Республики не позднее четырех месяцев** после опубликования решения Конституционной палаты **на ее официальном сайте** вносит в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики проект конституционного закона или закона, вытекающего из указанного решения. Указанные законопроекты подлежат рассмотрению Жогорку Кенешем Кыргызской Республики **во внеочередном порядке**.

В реализацию вышеуказанной нормы обозначенного конституционного Закона Правительством Кыргызской Республики принято постановление от 18 сентября 2017 года № 588, где Министерство юстиции Кыргызской Республики определено в качестве ответственного исполнительного органа по разработке нормативных правовых актов во исполнение решений Конституционной палаты.

Таким образом, законодательством, в части исполнения решений Конституционной палаты, предусмотрено следующее:

- 1) разработка законопроектов возлагается на Министерство юстиции Кыргызской Республики;
- 2) для внесения таких законопроектов на рассмотрение Жогорку Кенеша Кыргызской Республики установлены конкретные сроки (4 месяца);
- 3) Жогорку Кенеш Кыргызской Республики рассматривает такие законопроекты во внеочередном порядке;
- 4) решения Конституционной палаты подлежат обязательной публикации на ее официальном сайте.

До внесения указанных изменений в отмеченный конституционный Закон, порядок исполнения решений Конституционной палаты не был регламентирован законодательством, вследствие чего поручения, содержащиеся в решениях Конституционной палаты, адресовались законотворческому органу – Жогорку Кенешу Кыргызской Республики, который в свою очередь, в лице профильных комитетов, поручал Правительству разработать соответствующий законопроект и внести на рассмотрение Жогорку Кенеша. Поэтому решения Конституционной палаты исполнялись достаточно произвольно и хаотично, вследствие чего остаются неисполненными еще 9 решений Конституционной палаты, перечень которых указан во втором разделе настоящей Информации.

Следует отметить, что исполнение решений Конституционной палаты должно осуществляться с учетом тех или иных правовых позиций, изложенных в ее итоговых актах. Своевременность исполнения решений Конституционной палаты направлено на устранение дефектов в правовом регулировании, выявленных в ходе оценки конституционности тех или иных норм, явившихся предметом рассмотрения Конституционной палаты.

Вместе с тем очевидно, что признание нормы неконституционной неизбежно порождает правовые пробелы, которые приводят к нарушению стабильности законодательства. Поэтому в случае признания нормативных положений неконституционными должно последовать оперативное реагирование со стороны законодателя по внесению надлежащих законодательных изменений для восполнения образовавшегося правового пробела. При этом в соответствии с частью 3 статьи 51 конституционного Закона «О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики» до приведения нормативных правовых актов в соответствие с Конституцией применяются Конституция, а также решения Конституционной палаты. В то же время, как было отмечено выше, Конституционная палата в своих решениях формулирует правовые позиции, устанавливающие ориентиры для соответствующих законодательных изменений.

Поэтому в целях обеспечения конституционной законности в стране должна проводиться совместная согласованная работа Жогорку Кенеша и Правительства Кыргызской Республики по вопросам разработки и принятия соответствующих законопроектов во исполнение решений Конституционной палаты, а также в вопросах применения решений Конституционной палаты правоприменительными органами.